

Лидия Чарская

**Лидия Чарская. Том 23. Её
величество Любовь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 Лидия Чарская. Том 23. Её величество Любовь / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 118 с.

ISBN 978-5-458-04417-2

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в основном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04417-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том двадцать третий

Для детей старшего возраста
С рисунками

Ее величество любовь

Глава 1

Волнующе и остро, как запах экзотического цветка, уносятся под своды белого зала звуки танго.

Толя, в новом, с иголки, военном кителе, узких рейтузах и высоких ботфортах, бережно держит в своих объятиях стройную Зину Ланскую и каждый раз, когда прелестная вдовушка наклоняется вместе с ним к блестящим квадратикам паркета, шепчет ей что-то.

А в большие старинные окна белого зала смотрит ясный июньский вечер. Брызжет уходящее солнце на оконные стекла, на китель Толи, на рыжие пушистые волосы Зины, кажущиеся сейчас огненными. Дразнящая мелодия танго, приобретающая какую-то особенную выразительность под искусными пальцами корнета Луговского, извлекающего ее из чуть разбитых струн старинного рояля, и рыжие волосы Зины, пронизанные умирающими лучами солнца, и раздражающе красивые движения на диво подобранной красивой пары танцоров — все это создает впечатление чего-то старинного и утонченно-заманчивого.

Треть зала отгорожена высоким помостом сцены, устроенным для предстоящего любительского спектакля. Сейчас с высоты его Вера, Муса с Варей, корнет Луговской следят за каждым изломом своеобразно-чарующего танца, твердо обосновавшегося минувшей зимой во всех «укромных» уголках Петрограда.

Проносась мимо сестер, Толя поворачивает голову в их сторону и кричит дурашливо: "Девочки, прячьтесь!.. Разве не видите? Это становится неприличным", — и, тотчас же ловким движением притянув свою даму, бросает ей на ушко:

— Я люблю вас, Зина, и так готов кружиться с вами всю жизнь.

Вдовушка смеется. Она всегда смеется в ответ на такие "эксцессы".

А потом она начинает возражать ему.

Какой вздор!.. Он любит, маленький Толя, которому она годится в прабабушки! Да и умеет ли он еще любить? Да, любить он умеет, но не ее, Зину, свою старую кузину (она умышленно подчеркивает «старую», прекрасно сознавая все обаяние своей двадцативосьмилетней красоты), а свой полк, товарищей, семью, сестер, «Аквариум», "Виллу Родэ", «Палас-театр» и некую крошку Жильберту, которая и научила его так бесподобно танцевать танго.

И Зина опять смеется так, как могут смеяться только русалки на озере в воздушную лунную ночь.

Ее кавалер закипает негодованием. Он говорит взволнованно и тихо, так тихо, что Зина одна только может услышать его:

— Зина!.. Злая, жестокая! И вам не стыдно? Мало того, что измучила, еще дразнит.

— Довольно!.. довольно! Я — не любительница сильных ощущений и боюсь пробуждения ревности больше всего! — притворно-испуганно восклицает она.

И опять пьянящий смех русалки.

На красивом лице Анатолия появляется злое выражение.

"Подожди! Посмеешься ты у меня когда-нибудь!" — проносится жестокая

мысль в его мозгу, и он до боли сильно сжимает тонкую кисть Ланской.

— Ай! — вскрикивает Зина. — Вы с ума сошли, маленький Толя! Я — не поклонница подчинения грубой силе. Пожалуйста, запомните это раз и навсегда.

Она говорит это и в то же время вся отдается ритму танца, увлекая за собой и кавалера.

Корнет Луговской не в силах сдержать свой восторг. Он обрывает танго на полупhrase, выскакивает из-за рояля и кричит, бешено аплодируя:

— Bravo! Bravo! То есть уди-ви-тельно как хорошо! Неподражаемо! Настоящие профессиональные танцоры! И знаменитая Жильберта в "Вилле Родэ"...

Тут блестящий лакированный сапог со шпорой незаметно наступает ему на ногу.

— Т-с-с-с! При сестрах-то! — шепчет Толя с растеряннo-комическим лицом.

— Пожалуйста, не стесняйтесь! Мы — не дети и отлично понимаем, как вы проводите свободное время в столице. Не правда ли, Варюша? — звенит мелодичный голосок младшей из сестер Анатолия, его любимицы, шестнадцатилетней Муси.

Это удивительно миловидная девчурка, с такими же живыми, сверкающими задором и радостью жизни глазами, как и у брата.

Та, к кому она обращается, — бесцветная, тихая, застенчивая девушка, ее подруга по институту, — молча, с испуганным смущением глядит в ее карие, задорно поблескивающие глаза.

— Ха-ха-ха! Очаровательно, детка! Молодчинище! Вы прогрессируете, сударыня, — весело смеется Анатолий, хватая за руки младшую сестру и кружась с нею по сцене.

— Ну, да, конечно, молодец, если на то пошло, — продолжает Муся. — Ну, да, я говорю исключительно только правду и притворяться не желаю. Мы — не дети. И танго многие из нас в дортуаре по вечерам танцуют, и открытки с Жильбертой, популярнейшей его исполнительницей, не стыдятся иметь у себя. Ведь это — красота, а красота и мелкий стыд несовместимы.

— Bravo! Дальше, детка, дальше!

— Муся! Муся! Перестань! Что ты? — с искренним ужасом говорит старшая сестра, Вера, от прямой, худощавой фигуры которой, от строгих черт и темных спокойных глаз веет чем-то суровым, как от древней византийского письма иконы.

— Полно, Верочка, ничего нет дурного в том, что я говорю — еще задорнее подхватывает Муся. — Не хочу притворяться наивной деточкой, не хочу лицемерить и ханжить, не замечать величия красоты там, где это не принято. И врать не хочу тоже. Ну, да, мне нравится танго — мотив его, нежащий и как будто убаюкивающе-усталый, и ритм его, и движения, как нравится всякое другое смелое начинание, как нравятся рыжие, обесцвеченные нашатырем и перекисью, волосы Зины и...

— Муся! Муся! — повторяет Вера.

— Оставь ее, кузиночка!.. Продолжай, Муська! Это прелесть что за девчонка, право! — не совсем искренне шумно восторгается вдовушка, у которой при упоминании о нашатыре и перекиси водорода горячий румянец выступает на слегка тронутom косметикой лице.

— Ах, нет, не буду говорить больше, не хочу! Пожалуй, с Верой удар еще

сделается. Ведь все, что я говорю сейчас, не принято, неприлично в обществе, и за это маленьких детей секут розгами и ставят в угол! — и пухлые губы Муси надуваются, и все лицо становится капризным и совсем ребяческим в эту минуту.

"Любимец публики" признает этот момент очень удобным, чтобы подойти к ней.

— Вы прелестны, — говорит он неестественным тоном, наклоняясь к поэтично растрепанной темно-русой головке.

Его лицо, гладко выбритое, рыхлое лицо стареющего актера, с плотоядной улыбкой и выпуклыми глазами дышит на Мусю запахом дорогой сигары и цветочным одеколоном, которым он ежедневно обтирает себе щеки после бритья. Сладкий и пряный аромат каких-то дурманных и крепких духов исходит целой струей от его безупречно сшитого светлого костюма и ударяет в голову.

Муся чувствует инстинктивное отвращение к "любимцу публики" — или, вернее, к артисту частных петербургских театров, Думцеву-Сокольскому, привезенному братом Толей из столицы для постановки их любительского спектакля.

Виталий Петрович Думцев-Сокольский чувствует себя здесь, в этом чудесном уголке Западного края, в старинной усадьбе Бонч-Старнаковских, как в раю. Он воображает себя ценителем всего сильного, и не без основания прозван "любимцем публики" шалуньей Мусей за его полные самохвальства рассказы о бывалых и небывалых театральных успехах.

Нынче он, как и все находящиеся здесь в зале мужчины, по уши влюблен в очаровательную вдовушку, только что так умело продемонстрировавшую перед ними модное танго. Но за вдовушкой ухаживать опасно. Ее безумно и безнадежно любит молодой хозяин дома, товарищеским отношением с которым, хотя бы случайным, завязавшимся за бутылкой шампанского, он, Думцев-Сокольский, очень дорожит. Все-таки Анатолий Бонч-Старнаковский, продолжатель древнего аристократического, когда-то польского, теперь вполне обрусевшего, рода — богатый, блестящий офицер одного из лучших кавалерийских полков России, и выступать его конкурентом на поприще достижения благосклонности очаровательной Ланской и не умно, и опасно. Да и незачем это, когда под рукою находится такая прелесть, как Муся!

— Прелесть моя! Детка! — шепчет он.

Девочка поднимает на него карие искрящиеся глаза, и сейчас они мечут пламя.

— Во-первых, не смейте называть меня деткой! Вам уже сто раз говорилось это, — сердито роняет Муся. — А во-вторых, отодвиньтесь. Терпеть не могу, когда мне дышат в лицо табаком.

Она, демонстративно выскользнув из-под руки опешившего Сокольского, отбегает в дальний конец сцены, увлекая за собою и свою молчаливую подругу. Отсюда девушки соскакивают на пол и прячутся в глубокой нише окна, за шелковой занавеской. Оно раскрыто настежь, и ветерок слабо колышет занавеску. Невидимые никому из присутствующих в зале подруги могут здесь перемолвиться словом.

— Терпеть его не могу. Противно мне его ухаживание, — все еще сердито говорит Муся. — Когда он целует руку, чувствуешь, точно жаба тебя коснулась, а вот когда Луговской — ничего, ни чуточки не гадко. А ведь он и некрасивый,

и неинтересный, только что играет на рояле хорошо. Вот поди ж ты! Почему это, Варюша?

— Не знаю, Мусик, право, не знаю. Вероятно, потому, что с Луговским ты давно знакома — ведь он бывает у вас в доме еще со времени своего пребывания в корпусе, а Думцев всем вам чужой, — отвечает Варя.

— Ах, не то, не то! — пылко возражает Муся. — Или ты не знаешь, что я ранена насмерть, что о нем только моя мечта? Его я буду любить вечно. Целые пять лет люблю его, с одиннадцатилетнего возраста. Смешно сказать даже, а это — святая правда. Еще девчонкой я втюрилась в него с первого взгляда и с тех пор мечтаю о нем. Ты знаешь, пройдет еще два-три года — и я стану шипеть, как старая дева, или ханжить, как Верочка. Этого нельзя, того нельзя; это неприлично, то не принято. И все оттого, что он не для меня, что он — не мой. Я и теперь часто бываю зла, как кошка. Зина ведь хорошенькая? Правда? Но вот послушай, Варюша, совесть ты моя. Ведь ты — моя совесть, Варечка: только тебе одной я всю свою душу изливаю. Да, так вот нынче я нарочно про обесцвеченные волосы Зины брякнула... Не веришь? Думала, если он меня не любит — мечта моя, сказка моя, греза моя далекая — так пускай же и всех других меньше любят все их поклонники — и Китти, и Зину, и всех... С Зины я и начала. Собственно говоря, что в ней хорошего? Нос туфлей, крашенная, рыжая, рот до ушей, однако все вместе и тонко, и пикантно, и...

Муся хмурится, сжимает крошечные кулачки, и скорбный огонек появляется в ее глазах.

— Медам и мсье, прошу на сцену. Пора начинать второй акт. Так мы никогда не дотащимся до конца пьесы, — разносится по залу красивый, немного носовой голос "любимца публики", привыкшего к тому, чтобы все им восхищались.

Но его на этот раз никто не слушает. Вдовушка стоит перед креслом Веры и, блестя зеленоватыми глазами и сверкая белыми хищными зубками, говорит, обращаясь к последней, не то искренне, не то шутя:

— Боже мой, Верочка, вот ты опять недовольна мною. Ну, да, да, я знаю... Ты — сама корректность, воплощенная добродетель и, понятно, опять осуждаешь безумную Зину за то, что она, насмотревшись на всяких Бланш, Жильберток и Маргошек, рискнула перенести их искусство сюда, под сень старинного аристократического дома, и продемонстрировать здесь отчаянное танго, которому место только в злачных, укромных столичных уголках. Непростительное легкомыслие, не правда ли, Верочка?

— Ну, знаете, кузиночка, я думаю, что тени предков, витающие под этой кровлей, весьма и весьма не прочь полюбоваться на такую шикарную исполнительницу-дилетантку, и прабабушки — я уверен в этом — уже устраивают сцену ревности прадедам за их чересчур пылкое увлечение вами нынче, — смеется Толя.

— Вы противный и потому молчите. Я говорю с Верочкой, а не с вами. Слышите, Анатоль, молчать! — Вдовушка пухлою ручкой шутливо ударяет офицера по плечу.

— Я умер, — паясничает Толя.

— Ну, Верочка, правду я говорю? — и ласково, по-кошачьи, Зина жметя к своей строгой кухне.

— Пустяки, Зина!.. Ты же знаешь. Я не люблю только, когда ты выкидываешь

свои эксцентричные шутки при девочках. Муся и так преждевременно развита. Мама и Китти, уезжая, оставили ее на моем попечении.

— И останутся, конечно, вполне довольны результатами такого покровительства, — снова вмешивается в их беседу Анатолий. — У нашей Веры с пеленок развиты педагогические способности. Она была бы незаменимой воспитательницей в каком-нибудь *convent* (закрытое учебное заведение) за границей. Вторая сестрица у меня — образец строжайшей дисциплины и соблюдения нравов.

— А ты все шутишь, Анатолий! — и Вера смотрит на брата своими строгими глазами, но они уже полны выражения нескрываемой нежности.

Мгновенно хорошеет ее холодное, замкнутое лицо и молодеет сразу под наплывом теплого чувства.

Все они — Вера, Муся и старшая сестра Китти — горячо привязаны к своему единственному брату, весельчаку, кутиле и милому ветреннику Толе. Красавица Китти прозвала брата Фру-Фру, и это прозвище как нельзя больше подходит юноше. Веселый, всегда ровный, общительный, рубаха-парень, что называется, и доброты необычайной, Анатолий Владимирович Бонч-Старнаковский слывет не только любимцем своей семьи, но и своего полка, и того кружка, в котором он возвращается.

— Господа! Еще раз призываю вас всех к порядку, — надывается "любимец публики". — Я начинаю репетицию и прошу вас молчать, — и он отчаянно звонит в колокольчик.

— А где же остальные исполнители? Где Маргарита Федоровна? Где Попугайчики? Где Рудольф? — пулей вылетая из-за шелковой занавески, кричит Муся.

— Они подойдут к своей сцене. Попугайчики дали слово быть непременно.

— А Рудольф?

— Я здесь.

Все взоры обращаются к двери.

В зал входит высокий, плечистый, с военной выправкой, молодой человек. На нем прекрасно сшитый штатский костюм, подчеркивающий безукоризненную фигуру. Крупная, тщательно причесанная на пробор белокурая голова, подстриженные рыжевато-белокурые усы, холодные, немного выпуклые, цвета стали, глаза, смотрящие как-то уж слишком прямо и напряженно.

— Я здесь... аккуратен, как видите, — говорит вновь прибывший, как-то странно, точно не по-русски, выговаривая слова и улыбаясь одними губами, тогда как глаза продолжают оставаться серьезными.

— Ага! Мсье Штейнберг! Отлично! Прыгайте сюда к нам, и начинаем репетицию. Живо! — командует "любимец публики", издали театральным жестом приветствуя его.

Рудольф-Карл-Август фон Штейнберг — сын Августа Карловича Штейнберга, старого управляющего Отрадным, имением Бонч-Старнаковских, — красивой и легкой походкой пересекает зал и, минуя лесенку, ведущую на подмостки, поднимается туда, ухватившись руками за доски пола.

— Ловко! Браво, Рудольф, браво! — кричит в восторге Муся и хлопает в ладоши.

— Что и говорить! — улыбается Толя.

— Мсье Рудольф, сколько пудов вы выжимаете одной рукой? — кокетливо стрельнув в его сторону глазками, осведомляется Зина.

— Рудольф, берегись! Еще одно слово кухни в твою пользу — и готовь маузеры. Двадцать шагов расстояния, завтра, на восходе солнца, за садом. Луговской — мой секундант; твой — "любимец публики", — и Анатолий делает трагическое лицо.

— Ай, как страшно! Молчите, молчите! Я не выношу крови! — хохочет Зина. За нею смеются остальные. Уж очень забавен Анатолий со своими вращающимися глазами и рыкающим голосом.

Одна Вера остается серьезной. С минуты появления Рудольфа Штейнберга здесь, на пороге белого зала, что-то странное происходит с девушкой. Ее черные глаза ярко загораются, тонкое лицо вспыхивает, и Вера Бонч-Старнаковская в этот миг становится настоящей красавицей.

* * *

Вот уже вторую неделю репетируется здесь, в большом белом зале Отрадного, чудесная, полная скрытого трагизма, популярнейшая пьеса Чехова "Вишневый сад". Предстоящий спектакль является подарком младших членов семьи ее старшему представителю и главе, Владимиру Павловичу Бонч-Старнаковскому, крупному чиновнику, дипломату и помещику, владельцу одного из прекраснейших имений Западного края, расположенного неподалеку от прусской границы.

Семья Бонч-Старнаковских, благодаря службе и положению Владимира Павловича, принуждена вести светскую жизнь в Петербурге. Дом тайного советника Бонч-Старнаковского поставлен на широкую ногу. Высшее петербургское общество считает необходимым бывать у Старнаковских на их четвергах. Их ложу знают все посетители первого абонемена Императорской оперы. На *soirées d'honneur* (состязания в верховой езде) отличаются в обществе брата и его товарищей по оружию обе старшие барышни: Китти и Вера. Младшая, Муся, еще учится в одном из фешенебельных институтов столицы. На аристократических балах появляются старшие барышни Бонч-Старнаковские; их знает весь высший свет Петербурга.

Семья Бонч-Старнаковских является последней представительницей старинного польского аристократического, теперь давно уже обрусевшего, рода. Когда-то предки Бонч-Старнаковских гремели на весь Западный край и во времена свободной Польши были маленькими царьками-магнатами.

Увы! От всего прежнего магнатства предков потомкам остались теперь лишь славное имя да большое имение в сердце Польши.

Это имение, сданное на полное попечение честнейшего в мире немца, Августа Карловича Штейнберга, ежегодно и очень охотно в летнее время посещалось, несмотря на далекое расстояние от столицы.

Сам Владимир Павлович Бонч-Старнаковский приезжал сюда погостить на две-три недели, чтобы отдохнуть на лоне природы; но это случалось, если ему не представлялась хотя бы малейшая возможность ехать за границу, где он лечил расшатанную нервную систему. Его супруга, Марья Дмитриевна ("генеральша", в устах прислуг, поскольку и сам он, тайный советник, был для них "генералом"), ежегодно лечила в Карлсбаде свои больные почки. Муж обыкновенно провожал ее туда и ехал дальше. Но в это лето совместная поездка не удалась; дела удержали «генерала» в Петербурге, и Марья Дмитриевна принуждена была ехать в Карлсбад со старшей дочерью, Китти, и ее женихом, Борисом Мансуровым,